

Завьялофф Н. Развитие понятия «внутренняя форма слова» в когнитивных науках. Часть 2

English version: [Zavialoff N. Enlargement of the concept "inner form of the word" in cognitive sciences. Part 2](#)

Университет им. Виктора Сегалена Бордо 2, Бордо, Франция

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Содержание статьи[1] составляет анализ двух ключевых понятий – «порождение вариативности» и «внутренняя форма слова». Второе понятие основывается на работах Г.Шпета, в которых отрефлексировано функционирование вербального языка и языков вообще, создающих континуум значений. Порождение вариативности связывается с современными когнитивными исследованиями и анализом восприятия поз тела, отрефлексированных в их социальном значении (во внутренней форме слова) и биологическом значении, в том числе и в связке«тело-мозг».

Ключевые слова: внутренняя форма слова, язык, когнитивные процессы, социальное и биологическое значение поз тела, Густав Шпет

Свойство сообщаемого

Работа уразумения основывается на активном восприятии, присущем процессу порождения вариативности значений и форм терминов, лексических единиц обозначения предметов мира. В употреблении языка производство и понимание отдельных слов или предложений (по Шпету это не что иное, как имплицитные и эксплицитные суждения) могут подвергаться действительному анализу, если учитывается субъект, кодирующий и декодирующий сообщение в положении общения, в такой среде, где он действует в зависимости от социальных и биологических причин и устремлений. Речь не идет об «идеальном» субъекте. А такого «абстрактного» субъекта можно найти в некоторых когнитивных и коннекционистских моделях, например в модели Левельта, Делла и Карамаззы, которые заинтересованы в процессе производства и понимания слова [Sauzéon, 2007]. Компьютерный вариант этих моделей воспроизводит некоторые сравнительные данные, полученные в клинических исследованиях, например, когда афазик стремится иметь доступ к слову. Этот доступ в большей или меньшей степени подразумевает семантический компонент и лексико-синтаксическую значительность в высказывании психологического субъекта в его чисто вербальном выражении на уровне его мозговых модулей.

В целом следует установить два крайних уровня: с одной стороны, нелингвистическая выработка сообщаемого, а с другой – моторно-фонологическое выполнение (это в случае производства). Между этими двумя моментами складываются следующие слои: конструкция семантически-синтаксического уровня и планирование посредством функциональных и позиционных процессов; выбор лексических единиц; фонологические сочетания. В итоге «ментальная лексика» доставляет элементы, воплощенные в фонологических видах и сочетаемые с помощью фонологических форм грамматических морфем. Остается фонетике вставлять свое слово: субъект тогда начинает произносить звуки. У каждой модели своя серийная или интерактивная характеристика лингвистических операций. В этих трех моделях центральным является концептуализация сообщения, которая на самом деле граничит с актом наименования-указания и даже с некоторым номинализмом (вещь – слово и слово – вещь).

В области производства, в первой модели, серийная переработка – линейная переработка, основывающаяся на последовательности слоев (вступают в действие факторы недавности и, при случае, тормозящие связи). Вторая модель основана на интерактивности; нужно, учитывая некоторые семантические признаки, установить связь между независимыми слоями: семантическая и грамматическая информация, распределенная и параллельная, включает в себя симультанность; призываются символы / слова / леммы (лексические единицы, носители морфо-синтаксических свойств). Эти «слова» восприняты как «вещи» через посредство предполагаемого визуального представления и перцептивной иллюзии по отношению к сущности-вещи. Такая модель не принимает в расчет ни шпетовское понятие отрешенности от реальности, ни понятие ориентировочного рефлекс (доступ к личной / личностной очень субъективированной лексике, которая, как поток ассоциаций, актуализирует внутреннюю форму): то есть два процесса, которые зависят от моторного восприятия, а не от обращения к чистым концептам, образам или представлениям.

В клиническом плане эта модель отсылает к тому, что соответствует, между прочим, смешанным ошибкам, как, например, бывает у некоторых афазиков: замена слова *rat* (крыса) словом *cat* (кошка) или более тонкая замена *fin* (конец) вместо *point* (точка) в выражении *point à la ligne* (с красной строки). В этой модели семантический фактор, кажется, вызывает только семантические парафазии; он не учитывает неологистические ошибки: а именно в таких случаях возможны парафазии, связанные с неологистическими способами; они отсылают к более сложным вербальным ассоциациям: семантические и фонологические расстояния между парафазическим словом и целевым словом зависят от очень субъективированной языковой установки, а не от ошибочного использования условной семантической, абстрактной и замкнутой системы, которая якобы управляет всей лексической переработкой. Не касаясь простого и очень частого явления персеверации, как можно объяснить некоторые замены? Так, в одном упражнении по соединенным вербальным ассоциациям О.А., афазик-аграмматик, начиная со слова «мед», перечисляет «улей», «цветы», «пчелы», «диде» – то есть Дидье, имя актера Бурдона («шмель»). О.А. страстно увлекается кино.

В модели, в которой чередуются операции, Карамазза, отказываясь от леммы, прибегает к различительным семантическим признакам в виде семантических представлений, а синтаксические элементы оказываются почти второстепенными. Потенция (как и Марти, который имел влияние на Пражский Круг и, через Якобсона и Хомского, на когнитивную психологию), предполагал в доступе к словам использование аналогии посредством рядов значений внутри целого – языка («свет сознания»), и он к этому добавлял обработку категоризаций как выражение мысли, которое прибегает к психическим схемам, снабженным своими морфо-синтаксическими значениями (действия, отношения, количества). В этой модели Карамаззы предполагается грамматическое, в котором чередуются уровни, но с точки зрения коннекционистского подхода, призывающего распределенные представления, – своего рода понимание уединенного от движения мира, так как это понимание оказывается семантическим и лексико-категориальным, действующим в замкнутой логике языка (нормативной и, значит, более или менее идеологической): в такой сфере лишь меняются отношения между конститутивными элементами, которые рассматриваются как инварианты.

Речь идет о мнимой абстрактной и концептуальной переработке, в некоторой степени отрешенной от реальности, но это касается восприятия семантических знаков, которые туманным образом относятся к какому-нибудь предмету и определенному говорящему. Эта менталистская переработка (анализ и, впрочем, производные этого анализа) идет без отчета о природе живого языка, об общении, об узусе, который, оставаясь в связи с определенной тематикой, является результатом выражения ремы на основе активного восприятия и дистрибутивной предикативности. Соответственно этому узусу производство предложений / слов не отбрасывает лексико-фонологически-просодическую артикуляцию на задний план, а наоборот: конечно, дело здесь не в фонетическом произношении, а в просодических явлениях, в приспособлении сенсомоторных моментов в речи («моторосимпатических» – Г.Шпет), соответствующих в телесном плане позам, потенциальным или проявленным в виде интонаций, ритма, тембра голоса, тональности речи. Афазики-аграмматики ограничиваются в своих высказываниях единичными составляющими, которые сосредоточивают ритмические рематические информации, так как эти элементы кажутся им достаточными, чтобы обеспечить выражение и экспрессивность их позы, связанные с энергетической экономией. Голосовой жест, который соответствует этому высказыванию, является особой дефицитарностью, ибо в социальной и биологической ситуации незаконченное / ошибочное предложение или недоступное слово не «чувственны» в себе, не физически испытаны телом субъектов-афазиков, подчиняясь

семантическим и фонологическим взаимодействиям, оттого что неисправной оказывается моторная память этих афазиков. Чтобы восстановить у них улавливание связи между предметами (будь они «аргументами» или «актантами»), недостаточно настоятельно рекомендовать использование ментальных представлений, ассоциированных с глаголом, то есть с тем, что неправильно считается центральным в предложении. Требуется на основе активного восприятия улавливание и установление отношений между предметами-вещами (включая и говорящего).

Поток реальности и языка

Эти три указанные модели, более или менее оперирующие в лингвистических теориях, Шпет описывает и критикует. Эти модели связаны с субъективистской философией: как у Декарта, Канта или Гумбольта некий субъект, «идеальный», хранит в своей голове дух, или – это вариация на ту же тему – шесть основных эмоций или просто одну эмоцию, как, например, у Спинозы [Spinoza, 1677] и Дамазियो [Damasio, 1999], «радость» со своей возможностью пресуществления, так что она, по мнению этих авторов, основывает разум, мышление. Это хранение – в связи с врожденностью: в выражениях *natura naturans*, *natura naturata* с некоторой точки зрения дается сверхъестественное уразумение. Это хранение может быть также в связи с предполагаемыми когнитивными или эмоциональными способностями, которые указывают на специфические характеристики, зафиксированные естественным отбором; или еще оно может быть вызвано социальной интерактивностью, но которая ограничивается интериоризацией языка или социальных чувств, как посредствования в сфере поведения, в социальном плане подлежащего регулированию [Выготский, 1934, 1984]. Понять, что представляет собой шпетовское понятие внутренней формы, значит определить, каким принуждением обязывает функционирование мозга.

Активное восприятие и дистрибутивная предикативность связаны с внутренней формой, с порождением интеллективной и эмоциональной вариативности, которое само по себе не назначает пределы производству смысла, конструкции культурного мира, «возведению научного здания миропонимания», при случае включая ошибки, погрешности, вольности, нарушения. Это понимание и это производство совершаются на всех уровнях жизни: как, например, в эти обычные моменты, когда неразрывно связаны французские слова *savoir* (знание) и *savoir* (вкус) (корень их *sap-* обозначает «пробовать»). О.А. говорит «J'ai soif, je prépare *une* [вместо *un*] verre et une bouteille de vin»: «Мне хочется пить, пойду за *одной* стаканом и бутылкой вина». Объектное дополнение женского рода «бутылка» – главный интенциональный, мотивационный объект, и все внимание сосредоточивается на нем и определяет ошибочную форму «одной стаканом»; следует установление отношения между признаком объекта / субъекта «потребность в напитке» и признаком «бордо» (это вино) культурного объекта. О.А., уроженец севера Франции, недавно поселившийся на окраине Бордо, недалеко от виноградника, обращается в новую веру – в «веру» в вино «бордо»: после своего высказывания просит собеседника восхищаться своим винным погребом. Второй пример: «Je crois en vivant», написанное в конце письма, можно понять не как «Верю, живя», а как «Верю в живое», так как О.А. делает намек на предыдущий разговор об эволюции вообще и об эволюции своих собственных идей.

Восприятия нас осведомляют о совпадениях событий, действий, но в то же время связывая одни с другими, мы выводим более или менее сознательно инференции и устанавливаем причинно-следственные связи. Можно воздействовать на реальность: в этом моторном восприятии (телесная поза) объекты-вещи или их присутствующие или отсутствующие свойства / признаки ухвачены в их соотношениях. Именно Шпет призывает это как механизмы отбора, совершающегося в образовании концептов и тропов с помощью дистрибутивной предикативности, которая способствует морфосинтаксическому конструированию слов или предложений. Морфонологические-грамматические формы – достаточные разнообразные орудия, значения которых сливаются в общую семантику, и они, когда их употребляют, зависят от активного восприятия субъекта в экспрессивной характеристике его отношения к миру. Таким образом, вскрывается порождение вариативности – эта энергия, проявляющаяся в самом узусе языка и активизирующая смысл в индивидуальной и коллективной сферах. В таком языковом положении мы имеем дело с телесными формами, с биологическими движениями, даваемыми более или менее культурными или спонтанно-естественными установками, связанными или нет с просодически-синтаксическими рядами, одновременно или нет – с лексическими и грамматическими морфемами, с их порядком в предложении – а такая совокупность

может быть испытанной, припоминаемой или подвергнутой новому переживанию как нечто неблагоприятное или как благоприятное для выживания субъекта преимущество.

Действия и языки субъекта, движение структур и смысла

О формальном единстве самосознания, самочувствия (идентичности субъекта) Шпету дает основание говорить, с одной стороны, не понятие субъекта вообще, «абстрактного», который признает себя в другом «абстрактном» субъекте, и, с другой стороны, не понятие чисто психофизического субъекта (Шпет неправильно считает его не единственным); дает такое основание понятие субъекта как вещи социальной. Именно чувствительности, переживаниям, проявлениям субъективности, выражениям и действиям социализированного тела следует соединять в себе восприятие, припоминание или установление смысла и идей: «Напоминая идею или внимательно рассматривая одну или несколько идей, мы приводим в движение – ограниченно или сдержанно – акты, с которыми в органической когерентности ассоциированы чувствительные факторы идеации» [Berthoz, 1997].

Переживание, субъективность способствуют актуализации внутренней формы объединенного интеллективного и эмотивного характера и таким образом способствуют отношению субъекта со своим собственным стилем к культурному миру. Мышление и языковое поведение свидетельствуют об этом. И так оказанное влияние на внешние языковые формы, на их развитие обозначает, что они не составляют замкнутую структуру, которая определяет функцию, а именно функция (внутренняя форма) ухватывает различные структуры [Jakobson, 1973]. Но пользование этими структурами имеет влияние на функцию: на биологическом плане наблюдается такое взаимное влияние между органом и функцией. Итак, эти структуры, как вербальные и невербальные, являются не только лингвистическими, но, скорее, можно сказать, языковыми вообще (речью, жестами, позами, действиями, поведением), они телесного органического характера (социального и биологического); и из них путем объективации исходит функциональная внутренняя матрица, то есть процессы понимания, оценивания, запоминания и реверсивной эффективности (отношение живого к самому себе, способность к компенсации, адаптативная автокоррекция [Tort, 2002], а не просто замкнутая в неизменности саморегулирующаяся организация [Varela, Thompson, Rosch, 1993] или социальная регуляция посредством более или менее нормативного языка [Выготский, 1934; 1984]). Эти различные структуры представляют собой код для каждого языкового коллектива (социальные группы, классы): фактически это совокупности символов [Lefebvre, 1996], то есть столько же коллективных сознаний и верований, которые в разнообразных организациях сталкиваются (а здесь обнаруживают свои патологические состояния стресса, одиночества или исключения), но в которые может под давлением внутренней формы вмешаться субъективированный язык. Он дает возможность расшифровывать чувствительные поля и языки, значит, проявлять критическое отступление и дистанцирование – то, от чего отказываются каждый по-своему Бахтин [Бахтин, 1979] и Волошинов [Волошинов, 1929], раз их детерминистическое объяснение языка исходит из понятия общности, воспринятой на основе символической сублимации, хотя в ней смешиваются светлое и темное, мечтание и жестокость.

Итак, посредничество индивида, единственного и относительно случайного, оживляет своей субъективностью и своим воображением объективированное сознание: это сознание – не какой-то средний результат субъективных действий (статистическое среднее), но результат работы дистрибутивной интеллективности и эмотивности, а эта работа – сама в обратном направлении выражение этого сознания (внутренняя форма); и это выражение включает в себя нормы, отклонения и отталкивания. Когда Шпет говорит о единстве языковой структуре, он употребляет термин «живая структура», конкретная, предметная, вещественная структура, составной частью которой является внутренняя форма, но не как схема, основывающая сочетания инвариантов (что давало бы только вариации на одну и ту же символическую тему), но как деятельность, энергия, формативная форма, алгоритм, открытая логика, значит, как порождение вариативности. Можно истолковывать это порождение как производство изменений, но не внутри смысла самого по себе, а как непрерывный выход за границы смысла, знаний, «правд». Таким образом, это означает, что в этой области функции и структуры также не являются неизменными. Тогда стоит говорить скорее о корреляции между стабилизированными состояниями равновесия, отмеченными периодами изменений; об ограничениях, о нормах, о регулировании, а также о нестабильности, изменчивости, отклонениях, экзаптации, творческой способности, движении. Эти соображения могут быть сопоставлены с

замечаниями Шпета об использовании вербального языка, расцениваемого как поток, процесс, и в то же время как момент движения (синхронное состояние языка).

В общем внешние структуры – конъюнктивные структуры, внутренне-рассеянно конкретизируемые процессы, и таким образом внутренние формы и внешние формы соотносимы одни с другими («корелляты»). У Потебни, Марти, Соссюра лингвистические грамматические структуры – сферы, в которых игра элементов сводится к нулю (это непрерывные повторительные вариации, отвечающие спинозовскому принципу *causa sui*): это система указания, называния объектов с помощью фигуральных выражений, которые призывают формальные и семантические ассоциативные связи, синсемантические элементы (которые, впрочем, по Шпету, даже на уровне грамматических значений объектируются в виде внутренней формы). За пределом конвенционального смысла создается другой смысл благодаря игре субъектированных материальных языковых форм. Во французском слове *créer* (создавать) корень *k(e)gē*: *semence* (семя), *croître* (расти), но здесь мы учитываем не гётовское объяснение, а скорее идею лукрециевского клинамена и идею дарвиновской случайности, которые можно внести в принцип порождения вариативности в связи с эпигенетическими явлениями (см. далее).

От «абстрактного» общего субъекта к единичному и случайному биосоциальному субъекту

Шпет критикует понятие «общего» субъекта, понимаемого как душа, энтелехия. Он не допускает неясное толкование, которое дает Гумбольдт (в виде врожденности) определению вербального языка и объяснению его вариаций различными степенями душевной и мыслительной силы, несмотря на то, что он призывает в одно и то же время действие духа и чувствительности народов. Этот субъект «абстрактный» и стоит в противоречии к «чувствительному», эмпирическому субъекту (индивиду или народу). С другой стороны, Шпет представляет себе общего субъекта в виде организма, центральной нервной системы; и, действительно, в конце XIX и начале XX веков естественные науки или некоторые философские и психологические направления объясняли сознание, рассудок, морально-эмоциональную оценку, творчество, самосознание, ссылаясь на понятие «психофизического индивида». Если Шпет отбрасывает идеи Спинозы, Лотце, Джемса, Кэннона, то именно оттого, что они не учитывают или, по крайней мере, учитывают очень побочно окружающую субъекта социальную среду, как Шпет ее понимает. Шпет не угадывает значения возможной сейчас мысли о том, как предполагается отношение человека к своему окружающему миру, – в равной мере в качестве социального субъекта-объекта и в качестве биологического субъекта-объекта. При этом человек становится вещью, зависящей от социальности, подвластной ей (речь идет о признании, солидарности, защите общих ценностей, но и о подчинении, отвержении, уничтожении или бунте; расцвет каждого связан с расцветом всех согласно некоторой идеологии, к которой Шпет присоединялся); а эту социальность нужно обогатить совокупностью всех живых существ.

Действительно, может спонтанно возникать синхронизация поз двух индивидов, хотя один из них более или менее завоевывает авторитет у другого. В положенное время и в надлежащем месте устанавливаются связи восприятий и действий в коде межличностных координат: «Тела бьются в унисон» [Oullier, 2007]. Но часто поверхностным кажется такое соотношение, так называемый хамелеонский эффект у человека, и особенно заметный, например, в передвижении стаи птиц: перцепция и действие очень узко связаны в циклах, которые составляют первоначальную функцию нервной системы; эти циклы необходимы выживанию организмов, групп, видов; некоторые структурированные виды, в плане внутреннего (объектированного) и внешнего могут быть одним и тем же. Но эта система совокупности и подражания отказывается от пагубного единообразия, раз увеличиваются – а больше всего у человека – степень индивидуальности и субъективности благодаря исторической и культурной памяти; объективация этой системы должна быть оперирующей и не относиться к постоянным внешним формам. Если реальное действие выполняется или оно преднамеренно у действующего лица, некоторые мозговые области работают у него, а таким образом и у наблюдателя (здесь речь идет о зеркальных нейронах). Та же совокупность и общность могут проявиться относительно выражения эмоций.

Отметим все же, что такие исследования, проведенные в лаборатории, не включают ту сложность,

которая обнаруживается в социальных человеческих отношениях, за пределами или в многочисленных проявлениях символического поведения, а более того, по отношению к биологическим позам. Когда нужно опередить некоторые поступки – что в данном случае является полезным и выгодным – можно лишь предполагать у другого одинаковые с нашими состояниями его «ментальные состояния» благодаря, впрочем, нашему опыту и нашей памяти. Но эти сходные акты и чувства частично соответствуют одни другим (здесь может или нет иметь место конформизм, легковерие, наивность или подчинение): эти действия и эмоции, безусловно, указывают на некоторые внутренние формы, но это происходит в различных масштабах. В жизненных ситуациях приходится сознанию принимать стратегические решения (предвосхищать, воображать дальнейшее): у французского слова *conscience* (сознание) корень обозначает *couper, trancher* (резать), а в переносном смысле *décider* (решать). Но как социальное, так и биологическое переживание дает направление действию, его оценивает и выходит за пределы обучения автоматизмам, правилам; а это возможно на основе открытой системы.

Врожденная способность (включая или нет торможение) к движению и переработке информации совершается в виде телесных форм и в связи с интерпретационным процессом, без которого можно обманываться: понимать – не значит полагаться на внешность и ограничиваться условностями, содержащимися в «душевных состояниях», разработанных благодаря специальному развитию лобной и теменно-височной коры. Вернее, объективированная способность (внутренняя форма) к дистанцированию и превосхождению самого себя позволила живому быть более эффективным, созидательным и изобретательским. Моторная созвучность и подражание не исключают динамическую установку: в слове «динамика» корень *du-* обозначает эффективность, а греческое *dunamis* значит «сила». Когда смысл в диахроническом плане предвосхищает себя, он не содержит в себе собственную структуру как набор инвариантов, бесконечно сочетающихся одни с другими (как, например, в мифах): у франц. слова *sens* (смысл) корень *sent-* обозначает «значение», «направление», «смысл жизни». Смысл объективируется в виде матрицы, которая становится функциональными процессами, то есть порождением вариативности (а не единственной структурной символической правдой). Это следует из того, что каждый индивид единичный, значит, различный от других, и думает, чувствует различно от других, и это определяет различие в смысле и обеспечивает разнообразие бытия (это со-бытия), и одновременно запечатлевается самочувствие, самосознание субъекта, присутствие самого себя в культурно-историческом пространстве и времени, все то, что именно передает экспрессивность.

Социокультурное окружение и экосистемическая среда

Взаимодействие естественных тел, по мнению Шпета, имеет человеческую социальную значимость. Но оно может иметь и человеческую, и нечеловеческую биологическую значимость, если мы относим к живому миру вообще эти естественные тела с их установками на органическое и генетическое выживание, – и индивидуальное, и коллективное. Например, эти две позы у новорожденного, кажется, сливаются, когда мать – основа безопасности – отсутствует, а это отсутствие вызывает у ребенка сигнальные проявления тревоги и обязывает мать к приближению [Belzung, 2007]. Системы привязанности и безопасности включают в себя адаптационные поведения в установлении идентичности субъекта: утверждение единичности социального индивида не исключает утверждения идентичности биологического индивида. Анализировать и понять ход вариативности в социокультурном мире – не значит отказываться от вариативности в «естественном» мире: между ними связность, непрерывность, взаимоотношение; таким образом, происходит также своего рода объективация мыслимого и чувствуемого отношения индивидуального и коллективного субъекта к миру живого. Эта объективация превращается во внутреннюю форму как открытую логику, оцененную в эмоциональном плане, воплощенную *hic et nunc* в акты питания, гигиены, размножения. Всем этим составляется матрица процессов избегания (побег или равнодушие) или сближения (эмпатия или агрессия) на фоне побуждения и бдительности наподобие того, что происходит в конвенциональном и условном социальном мире: а Шпет именно и говорит о признании, принятии и отвержении в социальных отношениях. Благодаря физической боли субъект может избегать посягательства на органическую целостность, а благодаря моральному страданию, например стыду или смущению, субъект оберегает себя от социального отвержения. Эмоциональные испытания, переживание – оценивают интеллективные приемы; наоборот, интеллективная семантическая память может иметь оценивающую роль по отношению к эмоциональным состояниям или более или менее

автоматическим, более или менее условным поступкам. Не всегда легко решить, что нужно принимать во внимание в таком поведении, как подчинение: с одной стороны – согласие, с другой – боязнь. Здесь выступает принцип порождения вариативности, который и способствует обогащению адаптационных возможностей. Природная и социальная среда отбирает индивидов в связи с тем, что благоприятствует их выживанию, или она их уничтожает. У генетики свои предрасположенности, как и у культурного осуществления свой набор возможностей.

В эволюционном движении, параллельно с законами передачи или с разнообразными смешиваниями индивидов, существуют не только вредные или полезные мутации определенных генов (из-за ошибок копирования или под воздействием мутагенных агентов), существуют изменения на уровне выражения этих генов: речь идет о механизмах, повышающих возможность появления наследственных вариаций [Debat, 2007]. Эти эпигенетические явления (в системе чтения информации) «являются не результатом изменений ДНК: они являются, в зависимости от конкретных обстоятельств, следствиями случая или четко установленных стимулов» [Debat, 2007]. Цвет некоторых мышат может меняться в зависимости от питания матери и может передаваться. У новорожденного более явным является желание материнского молока по сравнению с искусственным молоком: такое ориентировочное поведение – достояние эволюционного наследства. Эти эпигенетические явления (например, включение людей в движение животных на поверхности земли, что усиливает их «двуногость», способность к бегу и звукообразованию), не изменяя последовательность генома, приводят к выражению или невыражению некоторых генов и изменяют функционирование генома. В этой области функции и структуры не являются непреложными. Речь идет об ограничениях, о стабильности, а также о нестабильности, о движении. Эти соображения сопоставлены с замечаниями Шпета об использовании вербального языка, расцениваемого как поток и в то же время как момент движения. Тому подтверждение – именно анализ усваивания языка ребенком, усваивания, как изначально некоторого статистического подхода к значениям и формам [Perruchet, 1998], которые потом через их вариативный узус раскрывают ему внутреннюю форму слова в то время, когда ребенок и другие обмениваются телесно оцениваемыми информациями.

Действительно совершается эволюция обществ, но совершается и биологическая эволюция психофизических субъектов: покорение огня, приготовление пищи на огне, может быть, увеличили в объеме церебральные структуры, в особенности лобные доли, которые предполагают (на основе прямых и обратных связей) ментальные / телесные способности к установлению отношения к реальности, к оцениванию стимулов и их эмоционального содержания, к регуляции телесных информационных, к предвосхищению и постановке целей действий, к планированию путей достижения этих целей, к контролю за исполнением программы действий. Мозг может не реагировать на определенное стимулирование, но в одно и то же время спонтанная активность лобных долей и таламуса (который модулирует возбуждение, стресс и опасность) способствует предвосхищению восприятия внешнего мира, а спонтанная активность задней цингулярной коры и височно-затылочной извилины следует из осознанности внутреннего (физиологического) мира [Boly, 2007]. На самом деле здесь проявляются подготовленные, проигрываемые, внутренне чувствуемые позы, телесно-активные позы (сочетаются интероцепция и экстероцепция). Предвосхищение не без связи с воображением, то есть со шпетовской творческой «фантазией»: для Шпета отрешенная действительность – преобразованная действительность, а в этом явлении принимает участие психофизическое тело со своими рефлексам, импульсам, потребностями и желаниями с их социальной значимостью; «идея» (это есть поза / установка, переводимая во внутреннюю или внешнюю речь) становится активным, реальным, вещественно чувствуемым бытием, чувствуемым объектом-субъектом среди объектов-субъектов, которые действуют и подвергаются эмоциональному испытанию. У естественной и культурной сфер свои специфические содержания и формы, но они сливаются; реальность и действительность «объединяются». Тот же анализ можно применить к движениям психофизического тела, приобретающего био-экосистемичную значимость. Эволюционное понимание мира, запоминание и припоминание понятных вещей питаются, живут продуктами воображения, то есть эволюционными желаемыми телесными формами.

Гены, мозговые функции и языковое поведение

К памяти способного ставить себя под вопрос генома можно прибавить культурную память, вложив ее в сферу специфических значений и форм. Эта память непрерывно построенная и перестроенная,

но у нее своя логика пересмотра знаний, верований, символических моделей и чувств (социальных ценностей эмоций). В отношении природы, живого мира, так же как в отношении организации социального мира, человек и другие живые существа, в переменной степени, в возрастающем порядке вкладывают ценности в предметы этих миров (сила творческой работы составляет ценности): у организмов бытие заслуживает одобрение, а не только упорство. А это одобрение не ограничивается одной «радостью», как это считает Спиноза. Человек путем узуса языка объективирует интеллектуальную и эмоциональную внутреннюю форму – активную силу (а не преданную субстанцию), порождение вариативности, агента эволюции, так как эта форма может быть, в свою очередь, субъективированной. Конечно, в нынешнем положении человеческого вида генетические вариации слабоощутимы (по крайней мере, они соответствуют предрасположенности к болезням в зависимости от индивидов или групп); некоторая эволюционная смена культурного характера включает биологическое в когнитивное, эмоциональное, рефлексивное и реверсивное сознание (см. биологические / генетические манипуляции, стволовые клетки, и т.д.). Речь идет об игре культурных принуждений и выборов, что может ускорять или замедлять перемены, вызванные смешением народов.

В 30–40-е годы включили генетику в дарвиновскую теорию, тем не менее не принимали в учет действие окружающей среды. А в конце 40-х годов такой учет предлагали К.Х. Уоддингтон (C.H. Waddington) и российский биолог И.И. Шмальгаузен [Debat, 2007]. Эти авторы, наперекор объяснениям полностью детерминистическим с точки зрения генетики или окружения (как это в дальнейшем предлагает конструктивист Аверилл [Averill, 1985]), предполагали идею фенотипической пластичности, которая составляет свойство, поддающееся естественному отбору, если оно благоприятно. В биологической области повторяются те же доводы, но ограничительно – в теории автопоэзиса [Varela, Thompson, Rosch, 1993; Belzung, 2007] и более соответственно – в теории вероятностного эпигенеза Готтлиба [Gottlieb, 1999]: для него индивид развивается на основе вероятностей, что напоминает у Шпета идею неопределенности, идею множества личностей у одного и того же социокультурного субъекта. Итак, окружающая среда может определять действие генов. Эпигенетический подход подчеркивает тем самым отказ от абсолютного детерминизма.

Эта соотнесенность стабильного и нестабильного вырисовывается на уровне деятельности головного мозга. В случае специфического синхронического употребления языка лингвистическим сообществом или говорящим индивидом код состоит из внешних лексико-грамматических и связанных с ними внутренних форм и, по мнению Шпета, никоим образом не исключает вариативность форм и значений, передающую влияние субъективности и индивидуальности в гибком создании смысла, в открытом образовании понятий и терминов. Благодаря игре транспозиции в организации коры головного мозга можно выделить относительно неизменные элементы (доли, извилины... в зависимости от определительных генов) и элементы вариативности молекулярного уровня и уровня системы нейронов [Changeux, 2007]. На основе спонтанной деятельности головного мозга, позволяющей ему обрабатывать информацию в целом и последовательно [Raichle, 2007], мы замечаем, как на функциональном уровне – будь то познавательная способность или эмоция, запоминание или деятельность – преобразуются внутренние способности (а не замкнутые структуры или модели) в различные внешние формы выражения. Эти внутренние способности отражают на основе общей переработки информации объективированно-исторические процессы, а не отдельные чисто присущие или доступные мозгу мысли. «Генетически определенные местные синергии, которые составляют у каждого живого вида сенсомоторный перечень, как, например, разного рода передвижение, брачное оперение, позы..., организованы в виде поведенческих стратегий, ориентируемых общими механизмами» [Berthoz, 1997]. А эти последние обеспечивают некоторую последовательность в ситуациях, требующих автоматических или, в социальной сфере, конвенциональных, условных реакций. Но эти стратегии представляют собой объективированную внутреннюю форму, которая в свою очередь, субъективируясь, актуализируется в формы всех возможностей.

Перечень сенсомоторных действий подвержен вариативности и викариантности: в адаптативном положении эти механизмы не негибкие, у них объективированная функциональная форма, которая приводит к вариативности; а это, согласно мозговым механизмам, благодаря которым возможны более или менее приспособляемые комбинации различных элементов этого перечня, сложные сплетения элементарных функций. Играть роль здесь на уровне нейронных ансамблей разные факторы (перцептивные, кинестетические, кинетические, пространственные, временные, фактор

энергетического обеспечения) [Корсакова, Микадзе, Балашова, 1997]. Внутренние и внешние формы являются следствием функционирования, практики социализированного и биологического тел. Включенная в систему вознаграждения и наказания, эта функциональность равносильна эволюции. «Мозг использует подмножества нейронов во время кодирования мнемической информации, чтобы отметить и извлечь разные свойства какого-нибудь события, а потом их устраивает в виде пирамиды, организованные уровни которой имеют самые общие или абстрактные, как и самые специфические, стороны» [Tsien, 2007]. На самом деле эти стороны включаются в перечни действия, которые подвергаются эмоциональной оценке, приходят в движение в течение внутри- и межличностного общения и соответствуют формам телесных позиций и поз. Эти последние можно назвать телесными формами-движениями (в качестве внешних и внутренних форм): «Нет такого движения, которое не говорит» (Монтень, Опыты, ЛII, § XII). Остается только уточнить: источник этого движения и говорения – тело, создающее новшество (а не только вариации): например, понятие «искусственная природа» – оксюморон и конкретно-вещественная реальность социо-технологической организации.

На основе формализованной концептуализации можно описать способность к созданию понятий и знаний, исходя из опытов и переживаний. Уразумение-понимание характеризуется тем, что оно позволяет решить новые проблемы в мире, который изменяется и трансформируется (природные богатства и климатические условия не постоянны). Отношение к воспринятому, вчувствуемому и эмоционально-оцененному предмету субъективно выражается в дополнительных «со-значениях» (термин Шпета): они обогащают конвенциональное значение имени, формально указывающего на предмет, о котором идет речь в общении, и таким образом течет новый смысл. Мышь может концептировать углубление в чем-то подобном норе, если это углубление удовлетворяет ее нужды, если ему соответствуют свойство «нора» или «спать», и более субъективные свойства «некоторый комфорт», «некоторая безопасность». Эти свойства / признаки включаются в социокультурную организацию мышей наподобие того, что происходит в человеческой социокультурной сфере.

Человеческая и иная социальность

На уровне символических значений (политических, экономических, философских, обычно-бытийных, художественных) человеческая общительность представляет собой конфликтные ситуации, ибо символические формы актуализируют внутренние формы. Эти последние формы не следует рассматривать как мышление само по себе, как дух со своими предданными понятиями и схемами или с идеями уже готовых вещей-сущностей, то есть они не представляют собой суть вещей, которой можно дать имя: так их рассматривали до Дарвина философы вообще и даже, например, некоторые представители естественных наук; вид был сущностью (стабильная целостность), а индивиды в его составе считались ее переменными. Но индивиды различны и могут скрещиваться между собой, так что вариативность оказывается не только расхождением, но законом более или менее удачной эволюции. Роды и виды развиваются сами по себе, и разветвления возможны в сторону новых родов и видов (в доисторические времена существовали нескольких ветвей рода хомо). Во всяком случае, хомо сапиенс не обязательно представляет собой конец биологической или культурной эволюции. Например, можно не удивляться созданию виртуальных помощников или возможности перегрузки наружного сознания или памяти в виде виртуальной реальности, или применению искусственных супер-умов, или вообще новых технологических орудий, служащих живому существу для манипуляции. То есть всему тому, что может преобразовывать несовершенный первичный удел человекоподобных и иных животных. Как бы то ни было, продолжают некоторые внутренние жизненные формы говорящей телесности, формообразующей новые внешние формы, так, чтобы не прерывалась связь с совокупностью живых существ как некой формой социальности.

Социальность у нечеловекоподобных животных осуществляется благодаря разделению труда или опорой на сходные ценности, что не исключает индивидуальных поступков, составляющих разнообразные и даже противоположные одна другой символические области. Эта социальность относится к некоторым внутренним формам языков (не только вербальных), поведений и действий. Мы отстраняем понятие «представление», расположенное между понятиями «визуальная картина» и «идея» (это слово на греческом языке значит «визуальная форма» и «категория»). Понятие «представление» можно не очень четко определенно обнаружить в термине-понятии «образ», которому часто соответствует идея «энергия», но которая не отсылает к шпетовскому понятию объективированной внутренней формы, имманентной узусу живого языка, оказывающегося в свою

очередь имманентным действию внутренней формы. У Шпета, кажется, понятие «идея» центральное, первоначальное. Но слово «идея» исходит из богатого корня, который указывает на зрение, перцепсию, служащую обработке информации, знания; и от этого корня происходит много индоевропейских слов со следующими значениями: видимость, вид, очевидный, идеальный, образ-картина, наука, история, предвидение, провидение, лицо. Идея – не абстрагирование по отношению к вещи, это творческий акт. Ссылаясь на статью Шпета «Театр как искусство», мы на самом деле обнаруживаем важность, приданную им «моторосимпатической» функции, которая ассоциирована с выражением идей. Эта функция относится к мнемическим сериям проигранного или подготовленного действия (которое может превратиться в высказывание). Эта функция относится еще к действию, которое может сливаться с перформативной или иллюкутивной конструкцией: прошу тебя, боюсь, сомневаюсь, желаю, объявляю, что... Все эти глаголы на самом деле значат: прошу вас полагать / думать, что..., – и модальность этого высказывания не декларативная, нарративная, а в общем повелительная в пределах открытой логики (впрочем, у «нарратива» – рассказы или научное описание – такая же повелительная модальность). Мнемические серии некоторым образом соответствуют интероцептивным и экстероцептивным моторным сериям, то есть чувственному пережитому, установкам на выживание, которые можно истолковывать на двух постоянно взаимосвязанных уровнях – культурном и биологическом – свойственным разным животным видам.

Есть ли преемственность от нечеловекоподобного животного к человеку, есть ли соотношение между их природой и их культурой? Ответить утвердительно можно, обращаясь к понятию внутренней формы, которая действует в сфере разных животных видов, но при условии, что нельзя в работе Шпета терять из виду идею важности человеческой индивидуальности, идею признания (такую идею можно найти у Канта и у Гегеля) и вариативной идентичности множественной личности: так можно понять идею присутствия субъекта в исторической длительности. Отображением его экспрессивности и его стиля является это присутствие, которое культурные объекты / вещи воскрешают в памяти. Действительно, эта культурная значительность силы памяти (материальные, виртуальные или нет следы) продолжает у всех видов более или менее общую генетическую память (изначально общие гены), которую на основе мотивации приводит в движение принцип порождения вариативности – именно общий принцип внутренних форм всех языков (не только словесного / вербального).

Конечно, нечеловекоподобные животные по сравнению с человекоподобными кажутся в своем поведении гораздо более зависящими от биологического компонента. Можно подразумевать под словом «культура» «способность к приобретению и передаче знаний и компетентных умений, и к выбору все более и более эффективных решений в случае трудностей, извлечению пользы из общего запаса знаний» [Alexis, Stevens, Clayton, 2007]. Можно подумать неправильно, что у нечеловекоподобных существ традиции, кажется, передаются в пределах одного поколения, тогда как человеческие существа, кажется, узнают многое от предыдущих поколений. Но в этих двух случаях специфическое накопление знаний основывает деятельность в области физиологического выживания («Организмы стараются упорствовать в своем бытии» [Spinoza, 1677]) или культурного выживания, и с этой точки зрения факт, что постоянно переработанный нарративный-повелительный дискурс (донаучного или научного) улучшает результаты этой деятельности даже сквозь социальные кризисы. Но эта деятельность касается будущего; а именно, возникает вопрос – есть ли такая активность у нечеловекоподобных животных? Когда у соек [Alexis et al., 2007] будущая потребность отделяется от настоящей потребности, то дело идет о подлинной способности к предвидению. Такое предвидение по времени зависит от активного восприятия, и, если оно осуществляется без помощи нарративности, но в форме обучения (подражания), это равносильно семантической памяти (аналогической). Птицы поют и, по всей вероятности, придают значение своему пению.

В ряду биология-окружение-культура поведение нечеловеческого животного кажется в некоторых случаях довольно сложным и не без интереса, когда следует понять, что приводит в движение чисто автоматические реакции – импульсы, рефлексy, которые, по Шпету, относились бы скорее к области естественных наук. Но они имеют социальную значимость и приобретают в плане культуры ценностные характеристики. У нечеловеческого животного эта значимость модулирует автоматические реакции, ведет к некоторым индивидуалистическим формам, значит, к социальным и культурным формам, более того, к формам не замкнутым, не неизменным. Конечно, в области рефлексов и автоматизмов человек может реагировать на стимулы как быстрым и прямым, так и медленным (нейронным) путем: дело в том, как понять то, что приводит в движение поступки, которые включают в себя разум, мышление, оценивание, дистанцирование, ориентировочный рефлекс

(на что указывают разные семантические расстояния с эмоциональной значимостью в вербальных или символических ассоциациях), – а такие поступки Шпет, кажется, не приписывает нечеловекоподобному животному. Однако «чтобы определить местонахождение пищи, макаки принимают решение в зависимости от поведения им подобных: в группах редко бывает, чтобы выбор зависел только от одной обезьяны, каждая выражает намерения посредством своей позы, своих взглядов или направления своих движений. Несмотря на подчас различные знания и нужды участников в пространстве разных животных видов, группа добивается своей цели, которая оказывается совместным результатом когнитивных и социальных процессов. Отношения между партнерами играют столь же важную роль, что их память и их мотивация» [Thierry, 2007]. Автор этих строк говорит в таком случае о дистрибутивном уме и считает, что «вместо того чтобы изыскивать оптимальные стратегии, обезьяны часто довольствуются достаточными относительно выживания стратегиями», но, можно бы добавить, так получается, пока остается относительно стабильным их экологическое пространство (биотоп в связи с экотопами). Несомненно, что эта ограниченная «рациональность» недостаточно пригодна человеческому роду именно по отношению к открытому и изменчивому окружению, которое подвергается преобразованиям.

И так ум (разумение / разумность) не сводится к заключенной в мозгу функции (будь она естественно-отборной или якобы «вдунутой / вдохновенной»): существует такая реальность – третий уровень реальности – дистрибутивный ум, состоящий из внутренней объектированной формы, вытекающей из субъектированных отношений между партнерами. В группе сохраненная информация развивается, становится всеобщим в виде процессов или правил открытой логики: все это отображается в телесных выражениях, во внутренних телесных формах-движениях, которые одновременно обобщают и обосновывают эти же субъектированные отношения, пропитывая движение и кишение мира. Одна часть объектированных и субъектированных телесных форм может основываться на подражании: «Подражание четким жестам другого индивида, как делают это дельфины и обезьяны, предполагает, что у животного есть серия картинок своего собственного тела, которое он сравнивает с телом копируемого животного. Это подсказывает, что есть некоторое самочувствие, рассматриваемое не только с физической точки зрения» [Thierry, 2007]. «Ментально», «умственно» производить путем нейронных связей невербальную «серию картинок», то есть осмысленный жест, значит прибегать к проигрыванию, к телесным потенциальным актам, позам, напряжениям, то есть к некоторой физиологической активности.

Вслед за Рибо [Ribot, 1896] мы называем эту активность телесными формами-движениями: но эти напряжения, «тенденции» (слово-понятие у Рибо) соответствуют эмоциональному и интеллективному содержанию, происходящему от активного восприятия: как было выше указано, они в своем собственном осуществлении и развитии, становясь фоно-просодическими составляющими, превращаются в компоненты (междометия, ономатопеи, слова-предложения, союзы) модулированного указания-названия предметов / вещей мира и «возведения здания миропонимания». Эти тенденции имеют, конечно, социальную и биологическую значимость. Можно сказать, что, будучи продуктом интериндивидуальных или межгрупповых отношений, они объективируются во внутренние формы, наподобие того, как у Шпета объективируются конкретные слова, выражаемые или мыслимые / чувствуемые на основе социальности, общности тел в коммуникативном общении; в свою очередь эти внутренние формы субъективированы, актуализированы в виде творческого действия (вербальных или невербальных, художественных или нет продуктов). Таким образом, устанавливается непрерывная корреляция. «Живое участие в самом творческом акте, активное, а не инертное восприятие продукта этого творчества, вживание в него – все это делает нас самих, созерцающих, наслаждающихся и вопрошающих о субъекте, его участниками и соучастниками. Его объективность переливает через всякие грани, которые может поставить познанию рассудок, и если иногда субъекта называют «Я», то не в том ли весь чувствуемый смысл его «самости», что она растворяется в неограниченном «Мы»?

Чувственное единство, о котором шла речь, расплывается в единство чувства, поведения, «отношения к» людям, вещам и идеям. Самосознание сознает свое «само-», и через это одно – уже не «естественный» факт, а факт культурно-социальный, а перед лицом художественного произведения, след, факт художественного культурного бытия и сознания. Сознание себя как культурно-социальной общности – не то же, что отвлеченная особь. И путь вхождения этого себя в общность, признание себя собою, и познание себя как себя, как соучастника и сопричастника, тут же в этой общности, в объектированной форме художественного произведения, дышащей субъективностью, приводит к ней

не только как к объекту среди объектов, но и как к подлинному субъекту» [Шпет, 1927, § 9]. Можно, однако, сказать, что этот социокультурный фон рискует в одностороннем порядке объявить всеобщими свои собственные критерии истины.

Коммуникативный акт и интерпретация телесных форм-движений

Говорящий субъект проявляет врожденную способность к интеллективной переработке и к эмоциональному оцениванию информации и, опираясь более или менее сознательно на внутреннюю форму, он старается понять через буквальные значения слов, о чем говорит его собеседник, и он расшифровывает некоторый приказ или по крайней мере желание – то есть смысл мира объектов; но начиная с восприятия названного / указанного предмета (вещи) до ухвата «ментального» объекта на самом деле, это касается конкретного живого слова, предметности, языковой игры поз говорящего, отношения к вещи, понимания этой вещи, которая лишена определенного объективного смысла; затем выделяются приемы интерпретации сообщаемого реального смысла. В состав этого смысла входят значения и со-значения по историческому контексту; смысл этот соотносится к самым разным символическим областям, которые в семиотическом плане актуализируют по-своему внутреннюю форму, но в некоторых случаях не исключается господство одной из них над другими.

Действительно, субъекты далеко не всегда идентифицируют или понимают себя самих и признают мало-мальски или совсем не признают другого как социального объекта, единичного и случайного, как необходимой различию и разнообразию индивидуальности. Но тело «психофизическое» тоже разнообразное и случайное, требовательное (у Шпета речь не идет об этом): это биологическое тело на самом деле говорит на таком языке, который может противоречить языку социализированного тела, более или менее конвенционального или условного в общем «мы», в общности, в соборности, которой может угрожать тоталитарность, если нет этого противоречия. Понятие «чувствительности», субъективности, оценивания во внешних и внутренних формах тоже простирается на поле действия биологического тела по отношению к экологически-системическому окружению, к природе, ко всем живым существам, требует физиологических и поведенческих приспособлений. А эти приспособления не могут не зависеть от социальных чувств и рассуждений, выраженных во внешних и внутренних формах, которые равносильны тоже физиологическим и поведенческим приспособлениям. Игра языковых (не только вербальных) сил оказывается более сложной.

Эмоции с социальной и биологической значимостью способствуют тому, что они обоснованно переориентируют активное восприятие, они дают оценку интеллективной активности, классифицируя знания, и придают этим приспособлениям адаптационную значительность. Если эти приспособления «проявляют чрезмерную настойчивость» (например, удвоенная бдительность, когда выживание этого не требует), они могут создать стрессовую или тревожную обстановку; в таком случае видно, как контроль, предвидение или обратная связь недостаточны, ибо к этому следует добавить субъективное чувство, что есть возможность противостоять данной ситуации, возможность в виде самосознания и осознания исторической значимости. Предлагая субъекту испытывать свою идентичность через силу своей речи и своей экспрессивности, рассмотренную как проявления его присутствия в культурном мире, Шпет своей позицией решал вопрос о «самости» по отношению к принятию и отвержению в пределах социальности, которая, как мы считаем, должна простирается на совокупность всех живых существ.

Порождение вариативности адаптационных телесных форм и церебральное функционирование

Сложным процессом является взаимное признание, принятие. Во всяком случае, действует / говорит ли социализированное тело или биологическое, коммуникация возможна: интерпретация этих языков обеспечивается благодаря зеркальным нейронам [Ribot, 1896]. Относительно жестов и эмоциональных поз эти нейроны функционируют у макаки, как у человека (это касается одних и тех же мозговых структур). У птиц, которые обучаются пению, работают такие же нейроны [Koechlin, 2006]. Не могли ли они на уровне происхождения вербального языка объединить, связать позы и

фоно-просодические выражения путем плавного фонетического производства (и потому остается нерешенным вопрос о произвольности знака), а затем в онтогенетическом плане способствовать обучению языку? Из установления поз происходят мимика и голосовые жесты; объединяет их проявление и упорядочение звуков, активность особенного гена, на который возложена роль, состоящая в планировании и осуществлении движений мышц рта и лица. У птиц тот же ген (без некоторых мутаций, как это случилось у человека) принимает участие в производстве пения (у некоторых видов пение синтаксически построено).

Зеркальные нейроны дают нам возможность приблизительно угадать, через его позы и его голосовые жесты, о чем думает собеседник и думает ли он, как мы, и как при случае предвидеть его реакции, то есть они дают нам возможность внутренне и внешне привести в движение телесные состояния, эмоциональные ощущения – боль, радость, страх, отвращение, горе... и то, что существенно способствует им, – чувство бдительности, напряжения или разрешения, возбуждения или успокоения, агрессивную или оборонительную реакцию, избегание или сближение, удовольствие или неудовольствие: это – моторные, чувствительно-перцептивные механизмы; они на основе своих врожденных характеристик не соответствуют готовым действиям, образам, словам, уже преданным, но таковые следует создавать, а в то же время устанавливается динамический смысл. Все это благоприятствует самосознанию, переосмыслению своей социальной роли, но и своего мотивационного поведения не только в социальной, но и в экологической системической сфере. Однако мотивационная направленность и качество (само)регуляции деятельности и личности не могут устанавливаться только в мире символизаций. Действительно частичным и недостаточным является это указанное понимание (даже по отношению к самому себе), так как всякая эмоция часто оказывается разнородной: например, можно ли решить, что в предположенной ситуации дело в сострадании, или в расчете, или одновременно в одном и в другом? В художественной литературе часто идет речь о таких двойках чувствования «радость / страдание» или многочисленных поэтических оксюморах, как «грустная радость» у Есенина. Наше переживание ориентирует нашу интерпретацию. Понятно, почему неизбежно понятие внутренней формы, ибо необходима корреляция внешних и внутренних телесных форм.

Жесты, вербальные и невербальные выражения обработаны как компоненты или ряды компонентов одними и теми же церебральными отделами – моторными и языковыми отделами в лобной коре [Koechlin, 2006; Zavialoff, 2000], которые работают также при когнитивной обработке глаголов, рассматриваемых как слова действия и двигательных функций и прежде всего, если они относятся к глаголам движения [Grossman, Koenig, 2002]; ко всему этому можно прибавить расшифровку мимических выражений у обезьяны, как и у человека. У некоторых гоминидов шлифование / улучшение ловкости (правой руки), может быть, было уже связано со шлифованием артикуляционного чувства (как просодической и фонологической артикуляцией). Вербальный язык укореняется в языке жестов, поз, эмоционального выражения, в языке животных. У шимпанзе во время колки орехов перцептивная и «предикативная» установка жестов приобретает синтаксическую форму; у некоторых других обезьян наблюдается такая же установка в основе употребления и сочетания трех криков Zuberbühler, 2008]. В одной филогенетической теории [Gentilucci, Corballis, 2006] авторы, чтобы объяснить, как осуществляется активная пантомима, ссылаются на иконические жесты, которые соотносятся с тем или иным концептом и у которых конвенциональный символический характер. Но коммуникация с помощью жестов характеризуется в культурном и историческом плане. У шимпанзе и бонобо язык жестов указывает на окружающую среду, на коммуникативные ситуации, то есть он менее стереотипный, чем их вокализация и мимика [Pollick, 1973]. Их совокупность передает экспрессию поз – телесных форм-движений: аффективным здесь является активное восприятие, однако независимость этого языка жестов по отношению к контексту оказывается относительной, ибо произвольность его знаков – а это по видимости больше, чем то, что касается слов, – не полностью отрешается от внутренней формы и остается зависимым от работы ухватывания признаков в определенной историко-культурной сфере.

В нашем мозгу «гомонкулус», о котором говорят Крик и Кох [Crick, 2008], представляет собой это ощущение тела, снабженного анализаторами признаков, которые на основе их чувственных действий порождают «мысль», составляют такое состояние вроде сознания. Понятие схематизма раньше преобладало в такой области (кантовская «трансцендентальная схема», бергсоновская «динамическая схема», «сенсомоторная схема» или «живое движение» как смысл в поисках самого себя, «мнемическая схема», и т.д.). Речь идет о моторных программах, которые можно, вслед за Шпетом,

понять как процессы активного восприятия, как полимодальные интеллективные и эмотивные способы (более или менее विकариантные). Шпет говорит о своеобразном, не очень определенном понятии «образа» как внутренней формы, то есть предположенной надчувственной деятельности переживания; а такое движение изнутри на самом деле – проявление способа существования, образ действия, телесная «фигурация», сензитивное ощущение телесной целостности в связи с адаптивным поведением. В предмете (в слове) некоторое «чувствуемое» вещи устраняется, но его замещает конкретное телесное «чувствуемое», передающее более или менее общие признаки вещи, и таким образом создаются неожиданные, не преданные новые внешние формы.

Чтобы остаться в связи с внутренней формой (а такая связь была установлена во время происхождения некоторых исторических лингвистических форм, как свидетельствует уже об этом образование этимонов), следует опираться на процессы активного восприятия через телесные формы (как это можно подтвердить, например, в области коррекционного восстановления речи у О.А. путем сложной практики, основанной на методе проб и ошибок. Лобная доля играет особенную роль, что касается осознания и признания объектов, и она участвует в создании смысла с помощью фонопросодических разрядов, приобщая повтор первичных признаков к актуализованному личностному ухватыванию признаков: в определенной ситуации объект «шкаф» вызывает русское «двигать», французское «pousser», а не «déplacer» («переставлять») – произвольность в отборе знаково-глаголов, просодически означающих ДВГ и PL(S). Все это частью определяет составляющие сознания и память субъекта. Под воздействием сложности взаимоотношения телесных форм-движений произошло обогащение внутренних форм языков через последовательные стадии эволюции, начиная с австралопитеков и других вымерших гоминидов до человека разумного (*Homo sapiens sapiens*), несмотря на то что речь идет о двуногости, о прямохождении, о беге, о ловкости руки и голоса, о преждевременно родившихся детенышах, о родственных связях, овладении огнем, значит, и о возможности готовить на огне [Picq, Sagart, Dehaenne, 2008], или об узусе языков. На основе индоевропейских языков у первых животноводов и земледельцев осуществлялась объектированная интернализация, воплощение в виде (внутренних) телесных форм-движений, исходя из форм-движений, проявляющихся в естественном окружающем мире (существ и событий), – все то, что передают интеллективные и эмотивные когнитивные процессы, лежащие в основе «идей» в этимонах.

Итак, внутренняя форма – не характерная форма только вербального языка, но и невербальных языков (человека и животных). Ссылаясь на проявление моторной и эмоциональной опытности телесных форм в функционировании этих языков, можно сказать, согласно со Шпетом, что не существуют сами по себе предъязыковые формы и значения: порождение вариативности, внешние и внутренние формы имманентны употреблению телесных языков. И эти языки не сводятся только к своей социальной значимости. Переставляя принцип порождения вариативности из области социализированного тела в языковую область биологического тела, мы замечаем, что переработка передаваемой этими языками информации осуществляется специфическим образом на уровне мозговых полушарий: исследование их специализации [Zavialoff, Claverie, 1993; Завьялов, Клаври, 2006] показывает, что левое полушарие (в нем функционирует конвенциональный словесный язык у правшей и у некоторых левшей) «заботится» о социализированном теле, а правое полушарие – о биологическом теле; от их сотрудничества и взаимного контроля более сложным становится понятие внутренней и внешней форм этих языков, так как эта интерактивность вызывает процесс дистанцирования по отношению к некоторому историческому положению вещей и к некоторым интеллективным и эмоциональным поступкам и позициям, основанным либо на данной в откровении памяти, либо на научных и философских построениях.

Шпет именно отказывается от ментализма, от понятия врожденного духа в виде мысли, идей, концептов, сознания или отношения ухваченных в вещах идей к сознанию, как субъективного понимания объективного смысла вещей, который принимал бы общеязыковой характер благодаря общению. Он отдавал предпочтение идее (на самом деле вчувствованию) явления предметного мира в движении-преображении и одновременно явления телесных (мозговых) «языков», передающих информацию (возможно, с помощью слов), но он не очень настаивает на функционировании мозга. Однако оказывается, что с физиологической и церебральной точки зрения движение и мотивация связаны (хотя бы на французском языке посредством общего корня: *mouv-* «передвигаться» в таких словах, как *mobile* («подвижный», «мобильный», «мотив / побудительная причина», *e-mouvoir* («волновать», «растрогать»; *moment* – «момент»). Переработка информации, объектируясь в виде «энергии», формативной порождающей формы (а это не предданная «мыследеятельность»),

соотносительна с адаптационной телесной интерактивностью, с активной экосистемичной социальностью. Позы – телесные формы в сплетении с экспрессивными проявлениями (жестами, мимиками, криками, интонацией, тембром голоса, тональностью и ритмом речи, нейровегетативными симптомами) сквозь способность к обнаруживанию изменения в окружающей среде и возможность приписывать им приятное или неприятное значение. Эти позы соответствуют актуализации одобрения бытия, которая рассеивается в движениях тел, объектов. Это одобрение не основано только и ограничительно на так называемых базовых эмоциях, зависящих от основополагающих состояний боли или удовольствия, от приятных или отвратительных моментов, от так называемых положительных или отрицательных чувств, от поощрения или наказания: в этой области очень относительными являются оценочные критерии. Для любого индивидуального или коллективного субъекта эти критерии оказываются культурными и тоже физиологическими – степени чувствительности очень различны и разнообразны (тем самым объясняется разнообразие индивидов и групп, но без преимущественной генетической определенности): поэтому неясными являются различия между проявлениями удовольствия и боли физиологическими, «естественными» (пища, сексуальность) или «символическими» (власть, деньги, игра) и «эстетическими». Ворование связано с работой мозгового отдела «удовольствия», а сомнение соотносится с работой нейронов «отвращения» [Harris, 2007].

Известно, что осуществляются явления интрацеребральной автостимуляции или «автопредписания» некоторых веществ, но мы имеем дело здесь с мотивационными проявлениями; они, как и эмоциональные проявления, опираются на разные нейроанатомические субстраты. Этим можно более уместно определить характеристику действий, например, при рассмотрении предпочтительного местоположения субъекта, что позволяет лучше оценить аффективное составляющее, ассоциированное с данным стимулом (сексуальный партнер или аппетитная пища, оба с биологической и социализированной значимостью). Это гедоническое составляющее, которое не оберегает субъекта от уязвимой чувствительности (аддикция), может содержать некоторые личностные факторы, как поиски сильных ощущений, экстраверсию, желание новшества или власти: а это столько же поз, порывающих связь с эмоциональной и интеллективной внутренней формой.

Понятие внутренней формы мы понимаем в смысле объектирования процессов, исходящих из поведений, которые актуализируют эту форму в виде семиотического содержания, передаваемого общим символом юдоли слез или непрерывного человеческого творчества: речь идет о процессах понимания, запоминания, оценивания, реверсии. Во французском слове *comprendre* («понимать») корень *ghend-*, *ghed-* значит «брать», «хватать / ухватывать» (то есть понимать), как это происходит в активном восприятии, которое предикативно распределяется в слове или в соединенных словах. В разных индоевропейских языках от этого корня произошли следующие значения: иметь право на взятие, захват, добыча, тюрьма, хищность, репрессия. А слово *comprendre* включает в себя *com-*, понятие социальности, общения, дискуссии, переговоров, сотрудничества (такое понятие не отсутствует в не-человеческом животном мире). «Понятный» мир с помощью названий объектов соответствует возведению научного здания, знаниям, оцененным более или менее позами тел, которые «бьются в унисон», а эти же знания созвучны с эволюционными ценностями, тоже объективируемыми во внутренние формы.

Признание, память и выживание

Панксепп считает, что некоторые эмоциональные поведения представляют собой ценность по отношению к социальной группе, обеспечивая в плане питания и размножения в одно и то же время выживания индивида [Panksepp, 1982]. Шпет предполагает интерпретировать физиологические проявления (рассматриваемые им неправильно только с точки зрения флуктуаций инвариантного тела) в виде «экспрессии» и «экспрессивности» субъектов, как их признак, как присутствие в коллективной истории. А эта история при случае – история языка: язык этот составляет смысл благодаря его интеллективной составляющей, которая способствует мнемическому сохранению информации. Связанное со словом воспоминание лучше запечатлевается в диапазоне адаптационных ответов, тем более что оно особенно эмоционально обогащено.

Язык – посредование, которое заставляет принять различные более или менее нормативные варианты, но на уровне индивидуального употребления оно допускает ориентировочный рефлекс:

мнемические экзофоры, которые более или менее имплицитно и больше, чем (пре)суппозиции или подразумевания, вызывают немонотонную логику в открытой игре тем и рем. Экспрессивность (а не эстетизм) выходит за рамки здравого смысла и общих ценностей. Волевое инструментальное поведение (субъектированное внутри общества / коллектива) модулирует (автоматическую) реакцию. У наблюдателя мозговая структура – миндалина – связанная с кортикальными зеркальными нейронами, играет роль в опознавании выражения страха на лице другого индивида; активное восприятие может до некоторой степени вызвать у этого наблюдателя ту же эмоцию; однако он относит свою интеллективную оценку (в лингвистической форме: «она боится») социальной или биологической ситуации, истолкованной в соответствии со своими идеями и чувствами. Эта оценка – следствие активности его правой предфронтальной коры: это дает ему возможность проверить, проявляется или нет в его теле соматический страх (при таком случае это касается действия интерорецептивных маркеров / сигналов [Nauta, 1971], если причина страха вызывает некоторое чувствование).

В данной социальной ситуации, несмотря на знания, ученость, вследствие поражения и расстройства функции некоторой структуры, которая обычно разрабатывает эмоциональную информацию (телесных схем), можно быть совершенно неприспособленным к общественной жизни: утрачена связь с внутренними формами «чувствительности» – с взаимным признанием, с ценностями – и приняты некоторые неудачные решения. В данном случае дело не в том, что утрачивается равнение на общественную «благонамеренность», такое равнение Дамасио считает исключительно положительным [Damasio, 1999]. Самосознание, о котором говорит Шпет, требует через разнообразность и множественность субъекта посредствования своеобразной творческой силы, превышающей это равнение; но смертоносным являлось такое требование в 30-е годы: однако «Сама смерть, раз она фигурирует в качестве аргумента, имеет разное значение применительно к антропологическому индивиду и социальному субъекту: физическая смерть первого еще не означает смерти его как социального субъекта. Последний живет, пока не исчезло какое бы то ни было свидетельство его творчества» [Шпет, 1927, § 9].

Для каждого живого существа новый смысл – всякое украденное у фатальности / неотвратимости событий мгновение, а этот новый смысл, превышает то, что сказано (в слове «фатальность» корень значит «говорить / сказать»). Обнаруживается, что физическая боль и моральная боль (страдание) взаимозависимы, что в таком случае работают одни и те же нейронные сети / системы. До некоторой степени чувствование соматических модификаций – предварительное условие, необходимое чувствованию эмоциональному (теория Джемса-Ланге), и если некоторая мозговая зона не поражена, физическая боль становится знаком тревоги. Но связанная с болью эмоция может быть пассивным чувством или побудительной причиной действия. Для Шпета речь идет здесь (в очень обобщенном изложении) о функции «моторосимпатической» системы. Сейчас уже известно, что некоторые мозговые структуры (сингулярная кора, инсула) перерабатывают у субъекта информацию, касающуюся его личного испытания боли, а также их работа активизируется у субъекта, который становится свидетелем применения мучительного раздражителя к другому человеку [Averill, 1985]. Мотивационное или эмоциональное составляющее не исключает у свидетеля соматическую созвучность, смотря по тому, какие могут проявляться у него степень и характер субъективации. Прошедший опыт может или нет притупить чувствительность, но дело в том, что рассуждение (то есть некоторая идеология) может препятствовать чувствованию или выражению, если нет действительной интернализации объектированных телесных форм-движений. А именно Шпет ставит этот вопрос относительно игры актера в театре. Все зависит от того, как воспринимается гомеостатическое или аллостатическое переживание: действительно кажущимся является органическое равновесие, а аллостатические явления оказываются реверсивными и возмещающими, таким образом, срачиваются друг с другом новый смысл и новое чувствование.

Обращая внимание на роль слова (речи) и художественного произведения как запечатления, как присутствия, как конкретного следа, как отображения в культурном мире и в исторической памяти психофизического социального субъекта, Шпет наводит на мысль о некоторой форме выживания, которое на самом деле можно рассмотреть как продолжение некоторых форм выживания биологического тела. Кстати, по мнению Шпета, это естественное тело не исходит от вечной сущности, от *natura naturans*, как это предлагают Спиноза [Spinoza, 1677] и Дамасио [Damasio, 1999], но от живой, предметной, материальной, земной жизни. Это «виртуальное» выживание, даже археологическим путем (корень -*arkhe*- значит «жизненный принцип», «начало / происхождение»),

укоренившееся в прошлом и обращенное на будущее, актуализируется в виде самых разнообразных культурных объектов / вещей (будь ли это физические / биологические или физические / виртуальные клоны). А в наши дни виртуальное позволяет, впрочем, запечатлеть роль и место индивидуального и коллективного субъекта в новой форме интеллектности и эмотивности. Тому помогают всемирная паутина (web) и цифровые технологии: более сложной интерактивности внешних и внутренних телесных форм придется включить в себя машины и считать их как составные части (речь идет о кибернетических организмах или о техно-сапиенсе). А эти части относятся именно к сфере адаптационного и творческого порождения вариативности.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Ленинград: Прибой, 1929.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Собр. соч.: в 6 т. М., 1984. Т. 6.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Ленинград, 1934.

Завьялов Н., Клаври Б. Нейропсихологический подход к изучению мозговой латерализации речи: от телесных схем к внутренней лексике // Журнал практического психолога. 2006. N 3.

Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неудачающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М.: РПА, 1997.

Шнем Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. ГАХН, 1927.

Alexis D., Stevens S., Clayton N., Emery N. Le geai buissonnier, malin comme un singe // La Recherche. 2007. Déc.

Averill J.R. The social construction of emotion: with special reference to love // Gergen K., Davis K. (Eds.). The social construction of the person. N.Y.: Springer-Verlag, 1985.

Belzung C. Biologie des émotions. Bruxelles: DeBoeck, 2007.

Berthoz A. Le sens du mouvement. Paris: O.Jacob, 1997.

Boly M. et al. // PNAS. 2007. doi :10.1073

Changeux J.-P. L'individualité naît de la souplesse neuronale // La Recherche. 2007. Juillet-août.

Crick F., Koch C. Comment les neurones construisent de la cohérence // Les Dossiers, La Recherche. 2008. N 30.

Damasio A.R. Le sentiment même de soi. Corps, émotion, conscience. Paris: O.Jacob, 1999.

Debat V. Comment le milieu sculpte les gènes // La Recherche. 2007. Mai-juin.

Gentilucci M., Corballis MC. From manual to speech: a gradual transition // Neuroscience and Behavioral Reviews. 2006. N 1.

Gottlieb G. Probabilistic epigenesis and evolution. Worcester: Clark University Press, 1999.

Grossman M., Koenig P. et al. Neural representation of verb meaning an fMRI study // Hum. Brain Map. 2002. Vol. 152(2).

Harris S. et al. // Annals of biology. 2007. Vol. 62.

Jakobson R. Relations entre la science du langage et les autres sciences, dans *Essais de linguistique générale*, t. 2. Paris: Minuit, 1973.

Koechlin E, Jubault T. Broca's Area and the hierarchical Organization of Human Behavior // *Neuron*. 2006. Vol. 50(6).

Lefebvre H. Le Langage et la Société, Idées NRF. Paris: Gallimard, 1966.

Nauta W.J.H. The problem of the frontal lobe: A reinterpretation // *J. Psychiatr. Res.* 1971. Vol. 8.

Oullier O. et al. Quand les corps battent à l'unisson // *La Recherche*. 2007. Sept.

Panksepp J. Toward a general psychobiological theory of emotions // *Behav. Brain Sci.* 1982. Vol. 5.

Perruchet P. Mémoire et apprentissage implicite // *Psychologie Française*. 1998. N 43.

Picq P., Sagart L., Dehaenne G., Lestienne C. La plus belle histoire du langage. Seuil; Paris, 2008.

Pollick A.S., Waal F.B.M., de // *PNAS*. doi: 10.1073

Raichle M.E. Que fait le cerveau inactif // *La Recherche*. 2007. Juillet–août.

Ribot T. La Psychologie des sentiments. Paris: Alcan, 1896.

Sauzéon H. Modèles du langage et production de mot: apports des sciences cognitives, dans *Aphasie et aphasiques*. Paris: Masson, 2007.

Spinoza B. Ethique. 1677.

Thierry B. La raison des singes // *Pour la Science*. 2007. Oct.

Tort P. La seconde révolution darwinnienne. Biologie évolutive et théorie de la civilisation. Paris: Kimé, 2002.

Tsien J. Le langage (codé) de la mémoire // *Pour la Science*. 2007. Sept.

Varela F., Thompson E., Rosch E. L'inscription corporelle de l'esprit. Seuil; Paris, 1993.

Zavialoff N., Claverie B. Comportement langagier et dominance cérébrale mise en évidence par le test de Wada // *Revue de Phonétique Appliquée*. 1993. Vol. 108–109.

Zavialoff N. Hominisation du langage animal // *Société d'Etudes et de Recherches Préhistoriques des Eyzies*. 2000. N 49.

[1] Сохранены особенности литературного стиля, орфографии и пунктуации автора (прим. ред.).

Дата публикации 30 апреля 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Завьялофф, Николя (Zavialoff, Nicolas). Ph.D., профессор, лаборатория когнитивных наук [Laboratoire de Sciences cognitive], Университет им. В.Сегалена Бордо 2 [Université Victor Segalen Bordeaux 2], лаборатория ЕЕЕ [Europe Européanité Européanisation = Европа Европейскость Европеизация] Национального Центра Научных Исследований Университета им. Мишеля Монтеня Бордо 3 [CNRS-Université Bordeaux 3]; Университет Бордо [Université de Bordeaux], Бордо, Франция. Почт. адрес.: Université Victor Segalen Bordeaux 2, Domaine universitaire, 33607 Pessac cedex, France.

E-mail: zavialoff@idc.u-bordeaux2.fr

[Ссылка для цитирования](#)

Завьялов Н. Развитие понятия «внутренняя форма слова» в когнитивных науках. Часть 2
[Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 2(4).
URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)